

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. А. ТУГОЛУКОВ

ОХОТСКИЕ ЭВЕНКИ

Охотские эвенки — одна из значительных локальных групп эвенкийского народа, сохранившая свой язык и культуру. Численность их — около 2 тыс. человек. Они живут в Тугуро-Чумиканском и Азано-Майском районах Хабаровского края. На севере их соседями являются эвены, проживающие в Охотском районе того же края, на западе — якуты и ассимилированные последними эвенки, расселенные по Алдану и нижней Мае, на юге и юго-западе — нивхи и негидальцы.

В состав охотских эвенков входят потомки следующих родов: Агинкагир, Бетюн, Бута, Кюрбюгды, Лалыгир, Макагир, Сологон, Эдиган, Эдян-1, Эдян-2, Эдян-3.

Главными занятиями охотских эвенков истари были охота и оленеводство. Подсобными занятиями служили рыболовство и морской зверобойный промысел. Население вело кочевой образ жизни и пользовалось легкими переносными жилищами — чумами, крытыми летом берестой, зимой — выделанными оленьими кожами (ровдугой). Основными материалами для изготовления орудий и оружия служили камень, кость, дерево и отчасти железо. С добычей и плавкой железа охотские эвенки были, по всей вероятности, незнакомы и получали металл в небольшом количестве из Якутии и с Амура.

К приходу русских охотские эвенки жили развитым патриархально-родовым строем, основной ячейкой которого являлся патрилинейный род. О племенах или фратриях у охотских эвенков нам ничего не известно.

Хозяйственной единицей эвенкийского общества была парная семья, которая с накоплением собственности легко переходила в семью патриархального типа или принимала характер моногамной семьи.

По своей величине роды охотских эвенков весьма разнились между собой. В XVII в. наиболее крупным у них был, по-видимому, род Агинкагир, в котором насчитывалось свыше 100 ясачных душ, т. е. около 400 чел. всего населения. По переписи 1897 г., в роде Агинкагир остался всего 71 чел. В первом Эжанском роде (Эдян-1) в 1897 г. значилось 537, во втором Эжанском (Эдян-2) — 611 человек.

Характерными признаками эвенкийского рода были экзогамия, общее родовое имя, служившее членам рода фамилией, верховная власть собрания всех взрослых мужчин (суглан) при исполнительной власти князца.

Господствующей формой собственности, существовавшей у охотских эвенков к приходу русских, была частная собственность отдельных семей на оленей, орудия промысла, средства передвижения и жилища. Наличие частной собственности обуславливало некоторую имущественную и социальную дифференциацию эвенкийского общества. Последнее делилось на родовую знать — князцов и «лутчих людей», простой народ — «улусных мужиков», а также рабов, или «холопов», из числа военнопленных. Рабы являлись частной собственностью отдельных семей. Общее число рабов у охотских эвенков было незначительным: судя по ясачным книгам, — не больше одного-двух взрослых здоровых мужчин на род.

Несмотря на наличие частной собственности, в общественных отношениях охотских эвенков в пережиточном виде сохранялись многочисленные традиции коллективизма и взаимопомощи, восходящие к эпохе матриархата. Сюда относятся: известный тунгусский «нимат» (обычай дележа мясной добычи), коллективные формы труда в оленеводстве, охоте и рыболовстве и даже совместные домохозяйства отдельных семей. Сохранению перечисленных традиций способствовали те огромные трудности в борьбе за существование, которые стояли перед малочисленными и слабо развитыми народами Северной Азии.

Первое знакомство русских с охотскими эвенками произошло в 1637 г., когда на Алдане, в 100 верстах выше устья р. Май, томские казаки под начальством атамана Дмитрия Копылова поставили Бутальское зимовье. Отсюда для «проведывания» серебряной руды, о которой ему сообщил тунгусский князец, Копылов в 1639 г. отправил к Охотскому морю 30 казаков под командой Ивана Москвитина. Москвитин достиг устья р. Ульи (граница между эвенками и эвенами) и поставил там зимовье. Не обнаружив руды, он вернулся через год на Алдан.

Следующей вехой на пути ознакомления русских с коренным населением Охотского побережья явился знаменитый поход якутского письменного головы Василия Пояркова, который, закончив сбор сведений о Даурской земле (что было главной целью его путешествия), проплыл морем от устья Амура до устья Ульи и провел там зиму 1645/46 г. Возвращаясь в 1646 г. в Якутск, Поярков оставил в зимовье на Улье 20 казаков.

Спустя несколько лет, в 1649 г., поход в Приамурье повторил предприимчивый якутский промышленник Ерофей Хабаров. Во время его плаванья по Амуру ему на помощь из Якутска был послан отряд под начальством Чечигина. Последний, достигнув Амура и не найдя Хабарова, выслал вперед казака Ивана Нагибу с 26 служилыми людьми. Нагиба непонятным образом проплыл где-то мимо Хабарова, достиг устья Амура и, не рискуя тем же путем возвращаться обратно (прибрежные жители неприветливо встречали гостей), направился морем в Якутск. Судно, на котором плыли казаки, вскоре разбилось, и они едва добрались до р. Усалигин (в нынешнем Тугуро-Чумиканском районе). Воспользовавшись рыбой, оставленной жившими тут эвенками и нивхами, казаки затем добрались до р. Тугур, служившей этнической границей между собственно эвенкийскими и негидальскими родами тунгусов. В устье этой реки казаки в 1653 г. поставили зимовье, но через несколько лет оно было разрушено по приказанию китайских властей, обеспокоенных близостью русских к Амуру.

Таким образом, первое прочное поселение русских в эвенкийской части Охотского побережья возникло на Улье, в северо-восточном углу расселения охотских эвенков. В дальнейшем, в течение нескольких десятилетий, русские продвигались по материке исключительно в северном направлении, а юго-западные районы по-прежнему оставались незанятыми. Это легко объяснимо: на юг от Ульи в то время лежали пустынные, редко посещавшиеся оленными тунгусами места, тогда как к северу почти непрерывной цепью шли поселки оседлого рыболовецкого населения — так называемых «пеших тунгусов» (ламутов).

Планомерное освоение южной части Охотского побережья началось в конце 70-х годов XVII в., когда русские, охотясь за соболями, проникли на р. Уд. Здесь, в 90 верстах от устья, в 1681 г. был сооружен острог с зимовьем. Отсюда служилые люди проникли затем на реки Тугур и Амгунь. К концу XVII в. вся территория Охотского побережья была полностью включена в состав Русского государства.

Коренное население было обложено натуральной податью — ясаком. Ясак должны были платить все трудоспособные мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Кроме ясака, в XVII—XVIII вв. с населения брали также «поминки» — подарки царю и воеводе. Несмотря на кажущуюся добровольность поминков, внесение их было обязательным и они заранее планировались казной. От ясака поминки отличались только меньшим количеством пушнины и тем, что они вносились не каждым в отдельности, а от лица всего рода — князем.

В среднем, судя по ясачным книгам последней четверти XVII в., охотские эвенки платили в казну 2—3 соболя с «ясачной души» (т. е. с охотника) в год.

После реформы ясачного обложения (1763—1764) ясак было разрешено частично уплачивать деньгами, а с 1868 г. он был целиком переведен на деньги. Эвенки Охотского побережья в конце XIX — начале XX в. уплачивали полтора — три рубля с «ревизской души».

Несмотря на кажущуюся незначительность ясака, он был тяжел для охотских эвенков. Даже в XVII в., когда соболя было много, за эвенками постоянно числилась недоимка, сумма которой значительно превышала сумму ясака. Для эвенков, плативших ясак в Майском зимовье, она составляла: в 1673 г. — 1278 соболей, в 1685 г. — 296, в 1700 г. — 859 соболей. На 1 января 1900 г. за «иногородцами» Удского уезда числилось 3691 руб. недоимки — сумма, в четыре раза превышавшая общую сумму ясака, установленную после переписи 1880 г.¹

Помимо обязанности платить ясак, охотские эвенки, начиная с XVII в., несли так называемую подводную повинность. Выполнение «почтовой гоньбы» приводило к потере оленей и буквально разоряло эвенков. «Голова» удских тунгусов доносил в 1889 г., что тунгусы «доведены подводной повинностью до крайнего изнеможения и упадка сил». Голова подсчитал, что исправление подводной повинности стоило удским тунгусам около 3 тыс. руб. в год, или до 10 руб. в год на одного «ревизского работника»².

Но особенно тяжелым бременем лежала на эвенках торговая кабала, в которой они находились у частных торговцев. На Охотском побережье в XVIII—XIX вв. развилась посредническая торговля якутов и гольдов (нанайцев), являвшихся приказчиками более крупных маньчжурских и русских купцов. Эта грабительская торговля была по существу не чем иным, как специфической формой эксплуатации кочевого охотничьего населения. Торговля шла исключительно меновая. Эквивалентом при обмене служила шкурка соболя или белки. Конкуренции не было, поэтому торговцы сами устанавливали цены на обмениваемые товары. Отпуска товаров в долг и никогда не рассчитываясь с охотником до конца, торговец крепко привязывал своего клиента и его потомство к себе. Должник умирал, но кабала оставалась: за долги отца отвечал сын.

Роль векселя при этой системе кредита выполняла узкая деревянная бирка с вырезанными на ней фигурами, обозначающими сумму долга. При совершении сделки бирка рассекалась вдоль на две половины, одна из которых оставалась у кредитора, а другая — у должника. При подведении итогов обе половинки складывались и сумма долга прочитывалась.

¹ В. В. Соляровский, Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края, Хабаровск, 1916, стр. 78.

² Там же, стр. 82—83.

Наиболее удобным для торговцев средством эксплуатации и заката-ления эвенков являлась торговля водкой, развившаяся в прямое спаива-ние коренного населения. Уже в первой половине XIX в. за бутылку водки можно было получить все что угодно³.

Другим средством ограбления эвенков была игра в карты. Во второй половине прошлого века аянский купец Филиппеус жаловался на то, что не имеет возможности приобретать у эвенков соболей, в то время как «разные бродяги преспокойно продолжают выменивать на водку и выиг-рывать в карты почти все соболя по округу»⁴.

Правительство, озабоченное падением ясачных сборов, неоднократно издавало распоряжения об ограничении и запрещении в Сибири частной торговли, в особенности торговли спиртными напитками, но не принимало против этого достаточных мер. Торговлей исподтишка занимались сами чиновники. Якуты, по словам Миддендорфа, ухитрялись провозить водку в масле⁵.

Эксплуатировало эвенков и православное духовенство, проводившее с середины XVIII в. регулярную миссионерскую деятельность в районах, примыкающих к Охотскому морю.

Приобщение к христианству дорого обошлось коренному населению. За крещение вновь родившихся, отпевание умерших, венчание — за все надо было платить соболями и белками. Олекминский миссионер Миллер, поссорившийся с тамошними священниками, доносил в 1818 г. иркутским губернским властям, что на наем одних только лошадей для служителей церкви местные эвенки несли расход до 600 руб. в год. Кроме того, попы, по его словам, спаивали и обирали эвенков⁶.

В то же время о просвещении коренного населения никакой заботы не проявлялось. Газета «Восточное обозрение» писала в 1883 г. об Удском округе: «Учебных заведений в крае нет; умеющих читать и писать — три казака»⁷. В конце XIX — начале XX в. в Нелькане и русском селении Усть-Майском были открыты церковно-приходские школы, но эвенкий-ские дети в них, по всей вероятности, не учились. Проезжавший по Мае в 1894 г. Я. В. Стефанович сообщал, что содержание единственного эвен-кийского мальчика, учившегося в то время в усть-майской школе, обо-дилось «обществу», т. е. роду эвенков, в 60 руб. в год⁸, а это по тем временам составляло немалую сумму. Поэтому, а также в силу ряда других причин охотские эвенки были до революции поголовно неграмот-ными.

Так же плохо обстояло дело с оказанием медицинской помощи. Ни больниц, ни врачебных пунктов на Охотском побережье до революции не было. В той же газете сообщалось, что в отношении здравоохранения Удской край находится «под охраной провидения и физических сил при-роды»⁹. Единственными «лекарями», врачевавшими эвенков, были ша-маны.

Мы видим, таким образом, что на протяжении почти трех веков охот-ские эвенки служили удобным объектом эксплуатации для администра-ции, торговцев и церкви. Жизнь коренного населения с каждым десятиле-тием становилась труднее. В результате непрерывной охоты на соболя он в Аяно-Майском районе был выбит совершенно, а в Тугуро-Чумикан-

³ А. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. 3, СПб., 1878, стр. 773.

⁴ «Записка надворного советника А. Ф. Филиппеуса о Камчатке и портах Охот-ского моря», СПб., 1885, стр. 20.

⁵ См.: А. Миддендорф, Указ. раб., стр. 773.

⁶ См. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г., т. II, СПб., 1872, стр. 114.

⁷ «Восточное обозрение», 1883, № 19, стр. 9.

⁸ См.: Я. В. Стефанович, От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения (Аянская экспедиция 1894 года), Иркутск, 1896, стр. 30.

⁹ «Восточное обозрение», 1883, № 19, стр. 9.

ском районе сохранился в ничтожном количестве. поголовье оленей, вследствие частых голодовок, чрезмерной эксплуатации на транспорте и неумения населения бороться с эпизоотиями, не росло. Рыболовство, ввиду кочевого образа жизни эвенков, развивалось слабо. Предоставленные целиком самим себе в борьбе за существование в суровых условиях Севера, охотские эвенки терпели тяжелые лишения. Известные нам эпидемии оспы, постигавшие Охотское побережье в 1660—1661, 1833, 1845, 1875—1876, 1880 и 1908 гг., сводили на нет ничтожный естественный прирост населения.

Октябрьская революция 1917 г. означала для охотских эвенков, как и для других групп коренного населения Севера, не только освобождение от вековой кабалы и эксплуатации, но и возрождение их хозяйства, а также приобщение к более высокой культуре, которая в условиях буржуазно-помещичьего строя была недоступна отсталым народам Сибири.

* * *

Советская власть установилась на Охотском побережье не сразу. Известно, что в конце 1921 г., рассчитывая осуществить свои захватнические планы в отношении Дальнего Востока, японские интервенты организовали в Приморье вооруженное выступление белогвардейцев против Дальневосточной республики. Часть своих сил белогвардейцы перебросили на Камчатку и Охотское побережье, где рассчитывали найти поддержку среди арендовавших золотые прииски американских предпринимателей и якутской националистической буржуазии. 6 октября 1921 г. в Охотске высадился так называемый Северный экспедиционный отряд есаула Бочкарева.

Осенью того же года в Якутии начался тойонско-белогвардейский мятеж. Мятежники, возглавляемые колчаковским корнетом Коробейниковым, захватили на р. Мае два парохода с грузами якутской потребительской кооперации «Холбос», заняли Нелькан и начали там формирование контрреволюционных отрядов.

Для поддержки Коробейникова из Владивостока на Охотское побережье в сентябре 1922 г. прибыла так называемая Сибирская добровольческая дружина во главе с генералом А. Пепеляевым. Эта «дружина», насчитывавшая свыше 700 штыков, была организована на средства тогдашнего белогвардейского приморского правительства генерала Дитерихса и на деньги, полученные от реализации захваченной Коробейниковым советской пушнины. Американская фирма «Олаф Свенсен и К^о» предоставила Пепеляеву кредит на 110 тыс. рублей золотом. Кредиты были получены также от японской фирмы «Ара-Гуми» и от фирмы «Гудзон-бай Компани»¹⁰.

Однако, высадившись в Аяне, Пепеляев застал лишь жалкие остатки коробейниковского отряда, незадолго перед тем разгромленного при попытке захватить Якутск. Включив эти остатки в «дружину», Пепеляев двинулся по направлению к Алдану, где ему удалось занять село Амгу. Это было его первым и последним успехом. 2 марта 1923 г. советские войска отбили Амгу и отбросили Пепеляева к Аяну и Охотску. В июне на Охотском побережье высадился руководимый героем гражданской войны Степаном Вострецовым экспедиционный отряд, который окончательно рассеял остатки белогвардейской «дружины». На Охотском побережье установилась Советская власть. В Аяне и Чумикане были созданы сельские революционные комитеты, начался завоз товаров, открылись фабрики.

¹⁰ П. У. Петров, Разгром пепеляевской авантюры, Якутск, 1955, стр. 21.

Однако уже в 1924 г. якутские националисты вместе с остатками белогвардейщины вновь начали борьбу против Советской власти. На этот раз их борьба была облечена в форму так называемого «тунгусского восстания». Центром его стал Нелькан.

Под демагогическим лозунгом «самостоятельной автономии всех тунгусов Якутской области» это восстание ставило целью оградить эксплуататорские интересы якутских торговцев. Главарию восстания было создано «Тунгусское национальное управление» и сформированы боевые единицы. Средством вовлечения части эвенков в это движение послужила провокационная деятельность уполномоченного Охотского уездного революционного комитета по Аянскому району якута Федорова, который преднамеренно взимал с населения непомерно большие налоги и, вызвав недовольство, в удобный момент примкнул к восстанию, возглавив аянскую банду. В начале мая 1924 г. бандой захвачен Аян. Началось разграбление складов с продовольствием и пушниной. Жители Аяна, не желавшие помогать банде в транспортировке награбленного, были выгнаны из поселка. Часть их ушла в устье р. Лантарь, другая часть — в устье р. Алдомы.

Характерно, что банда разграбила только советские склады. Склады иностранных фирм не были тронуты. Известны также неоднократные случаи обмена награбленной советской пушнины на продовольствие, вооружение и снаряжение японо-американского происхождения. Все это наглядно свидетельствует об антинародной сущности «тунгусского восстания». Не случайно поэтому эвенки пользовались любой возможностью, чтобы бежать из банды. Банда стала разваливаться. Особенно поредела она после прибытия в Аян сторожевого советского крейсера, вынудившего бандитов бежать, после чего они укрылись в устье р. Алдомы.

Чувствуя свою слабость, руководители аянской банды пытались связаться с другими бандитскими отрядами. Однако судьба восстания была уже решена. Высадившиеся на Охотском побережье красноармейские части повели энергичное наступление на все пункты, находившиеся в руках мятежников. 5 июля 1925 г. в Аяне была восстановлена Советская власть. В ночь с 4 на 5 декабря того же года советский отряд с боем занял Нелькан. Оборонявшая его банда Захарова частью была уничтожена, частью рассеялась по тайге. В августе 1926 г. Нельканский улусный революционный комитет приступил к подготовке к выборам в органы Советской власти.

Империалистическая и особенно длительная на Охотском побережье гражданская война сильно подорвали хозяйство эвенкийского населения. Грабежи и реквизиции, проводившиеся многочисленными белобандитскими отрядами, отсутствие подвоза товаров поставили местных жителей в чрезвычайно тяжелое положение. Люди болели и умирали от голода.

Очень сильно пострадало эвенкийское оленеводство: поголовье оленей сократилось в несколько раз. По справке Аянского волостного революционного комитета, в прибрежной части района до прихода белых банд числилось 829 оленей, а на 1 августа 1925 г. — всего 159 голов¹¹.

Упадок оленеводства серьезным образом отразился на охотничьем промысле, являвшемся для эвенков единственным средством обеспечения себя привозными товарами — мукой, чаем, табаком, тканями, дробью и порохом. Безоленные охотники, лишённые возможности осваивать сколько-нибудь значительные пространства тайги, владели жалкое существование.

О бедственном положении безоленных хозяйств докладывал Кербинскому райисполкому писарь Буруканского общества Степан Винокуров.

¹¹ Государственный архив Нижне-Амурской области (ныне Гос. архив гор. Николаевска-на-Амуре; в дальнейшем цпт. ГАНАО), ф. 272, д. 1, л. 37.

«Они живут в летнее время исключительно речными рыбами, проводят время до хода кеты полуголодными: день сыты, а другой день голодные», — писал он ¹².

В тяжелом положении после гражданской войны оказались не только эвенки Охотского побережья, но и все коренное население Сибири. Требовалось вмешательство государственной власти для оказания помощи малым народам, рассеянным по необозримым пространствам Севера.

В 1924 г. при ВЦИК был учрежден Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), главной задачей которого являлось содействие малым народам Севера в ликвидации последствий их политического и экономического угнетения, а также их хозяйственной и культурной отсталости. При создании этого органа правительство руководствовалось указанием XII съезда ВКП(б) о том, что народы, не прошедшие или почти не прошедшие капиталистической стадии развития, не имеющие своего пролетариата и ввиду этого отставшие во всех отношениях, «не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне» ¹³.

Первоочередными мероприятиями советского правительства, осуществленными по рекомендации Комитета Севера, были: закон о снабжении Севера по особым кредитам, восстановление сети хлебозапасных магазинов, развертывание сети государственной и кооперативной торговли, поднятие заготовительных цен на пушнину и снижение цен на ввозимые в районы Севера товары, освобождение коренных жителей от всех налогов и сборов, разрешение им бесплатного вылова рыбы и промысла зверя, устройство заказников и т. д.

Ряд мероприятий по защите коренного населения Амура и Охотского побережья был разработан на 2-м съезде Советов Николаевского-на-Амуре уезда, состоявшемся в 1924 г. В число этих мероприятий входили: кооперирование населения для освобождения его от эксплуатации кулаками и торговцами, оказание помощи в организации и оснащении производственных артелей, поощрение стремления жителей к занятию сельским хозяйством путем наделения их земельными и сенокосными угодьями, принятие мер к просвещению малых народов. Было решено также «вести более широкое и детальное изучение туземных племен, их этнографического состава, экономического положения и религиозного уклада, дабы на основе этого изучения возможно скорее принять меры к улучшению положения туземцев» ¹⁴.

В ноябре 1923 г. при Николаевском уисполкоме была учреждена должность «уполномоченного по туземным делам», который должен был следить за охраной прав коренного населения, а также заниматься изучением хозяйства, культуры и быта малых народов Амура и Охотского побережья — нанайцев, ульчей, нивхов, негидальцев и эвенков.

Серьезная поддержка была оказана охотским эвенкам путем снабжения их оленями. В 1926 г. СНК РСФСР отпустил для них 25 тыс. руб. беспроцентной ссуды на приобретение оленей. Тогда же, в порядке долгосрочного кредита, правительством Якутской АССР было передано населению Нельканского улуса 169 дойных коров, 10 быков и 25 лошадей. Летом 1927 г. правительство Якутии отпустило в долгосрочный кредит 30 тыс. руб. для хозяйств, пожелавших перейти к оседлому образу жизни ¹⁵.

В 1927—1928 гг. Дальневосточный крайисполком установил границы охотничьих угодий коренного населения и запретил продажу спирта в ме-

¹² Тугуро-Чумиканский районный архив. фонд райисполкома, 1925.

¹³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1953, стр. 713—714.

¹⁴ ГАНАО, ф. 11, д. 2, лл. 108—109.

¹⁵ ГАНАО, ф. 272, д. 13, лл. 1—18.

стах сосредоточения малых народов. Было начато выселение паразитических элементов из этих районов.

Действенную помощь населению оказало производственное кооперирование. В конце 1920-х годов многие эвенки работали в сезонных артелях по добыче морского зверя, лову рыбы, перевозке грузов и т. д. Фактории, открытые в Бурукане, Чумикане, Аяне, Нелькане и других местах, кредитовали охотников продовольствием и боеприпасами. Позиции уцелевших к тому времени перекупщиков и спекулянтов были благодаря этому сильно ослаблены.

Все эти мероприятия Советской власти по оказанию помощи коренному населению Севера нашли горячее сочувствие и поддержку у охотских эвенков. Выступая в декабре 1931 г. на собрании, посвященном обсуждению работы сельского комитета общественной взаимопомощи, тоттенский эвенк-бедняк Афанасий Амосов сказал: «То, что делает Советская власть, совпадает с нашими желаниями»¹⁶.

Но несмотря на ту большую помощь, которая была оказана населению Севера в 1920-е годы, главные промыслы и занятия эвенков были чрезвычайно расстроены и дальнейшее развитие их экономики было возможно лишь на основе объединения индивидуальных хозяйств в крупные производственные коллективы.

Возьмем, например, буруканскую группу эвенков. До революции это была одна из наиболее обеспеченных оленями групп Тугуро-Чумиканского района. Но к моменту установления в районе Советской власти буруканские эвенки обеднели. Пушной промысел был подорван вследствие уменьшения количества соболя. Рыболовство развивалось слабо из-за отсутствия более совершенных, чем острога, орудий лова и из-за трудно разрешимого в условиях единоличного хозяйствования противоречия между интересами рыболовства и оленеводства, требующего кочевания. Оленеводство находилось в упадке. Перед тем как объединиться в колхоз, буруканцы имели (в 1934 г.) 807 оленей. Из 42 хозяйств только 11 имели оленей в количестве, достаточном для самостоятельного кочевания (30—70 голов). Подавляющая масса буруканцев представляла собой малооленых охотников-рыболовов. И только в одном хозяйстве было 87 оленей, т. е. чуть больше нормы, необходимой хозяйству охотника.

Понятно поэтому, что для буруканцев, как и для других групп охотских эвенков, коллективизация являлась насущной необходимостью. Это достаточно ясно сознавали сами эвенки, и уже к началу 1932 г. в Тугуро-Чумиканском и Аяно-Майском районах было организовано 12 колхозов — по 6 в каждом районе.

На Охотском побережье, как и в других районах Севера, коллективизация прошла сложный путь развития от низших форм к высшим. Созданные в 1931—1932 гг. комплексные (смешанные) артели оказались нежизненными на первом этапе производственного кооперирования отсталого населения и в 1933—1935 гг. были преобразованы в объединения простейшего типа (так называемые производственные товарищества). С развитием общественного хозяйства и подъемом материального и культурного уровня населения товарищества в конце 1930-х — начале 1940-х гг. перешли на общепринятые в настоящее время Уставы сельскохозяйственной и рыболовецкой артелей.

Объединившись в колхозы, эвенки скоро убедились в том, что они вступили на правильный путь. Главным преимуществом работы в колхозе был выигрыш в рабочей силе, освободившейся благодаря коллективной форме хозяйства. Так, например, 23 хозяйства удских эвенков до вступления в колхоз занимались главным образом охотой и оленеводством, беспрестанно кочуя в верховьях Уд, между ее притоками — Немериканом и Шавли. С организацией колхоза большинство семей этой группы избавилось от необходимости кочевать, так как был организован совместный выпас

¹⁶ ГАНАО, ф. 272, д. 53, лл. 4—18.

олений. Часть оленей благодаря этому стало возможным использовать на перевозке грузов потребительской кооперации, а часть пастухов — на рыбной ловле и на других занятиях. В результате рационального использования скота, лодок, сетей и других средств производства благосостояние эвенкийских хозяйств этой группы возросло¹⁷.

Больше всего от коллективизации выиграла эвенкийская беднота. Интересные данные по этому вопросу содержатся в докладе краеведа Тугурской культбазы А. Г. Аполлова (1935). Он подсчитал, что средний годовой доход на одного человека в середняцком хозяйстве до вступления в колхоз был на 38% выше, чем доход на одного человека в бедняцком хозяйстве. В то же время соответствующий доход, полученный после вступления в колхоз, в бедняцкой семье стал на 26% больше, чем в середняцкой. «Благодаря использованию колхозных средств производства и большему участию в трудовой жизни колхоза, беднота получила возможность большего материального обеспечения, чем когда бы то ни было», — справедливо замечал А. Г. Аполлов¹⁸.

Коллективизация, высвободив часть рабочей силы эвенков из оленеводства, способствовала всестороннему развитию комплексного хозяйства колхозов, включающего, кроме оленеводства и охоты, рыболовство, кустарный промысел и другие занятия. Особенно это сказалось на развитии рыболовства, которое уже в 1930-е годы стало одной из главных товарных отраслей колхозного производства.

Вместе с тем наблюдались и отрицательные явления. Начиная с середины 1930-х годов, особенно после упразднения в 1935 г. Комитета Севера, в хозяйстве охотских эвенков усиленно внедрялись нерентабельные в местных условиях отрасли — огородничество и животноводство (разведение крупного рогатого скота и лошадей). Внедрение этих отраслей, требовавшее больших затрат средств и труда, но не оправдавшее возлагавшихся на него надежд, привело к серьезному сокращению поголовья оленей и экономическому ослаблению колхозов. Теперь эти ошибки вскрыты и успешно изживаются. Колхозы стали уделять большее внимание развитию традиционных отраслей хозяйства эвенков — охоте, оленеводству, рыболовству.

В результате развития отраслей хозяйства, требующих от колхозников постоянного проживания на одном месте, кочевое эвенкийское население Охотского побережья к концу 1930-х — началу 1940-х годов было постепенно переведено на оседлость. В тайге возникли новые населенные пункты — колхозные поселки Усалгин, Тугур, Тором, Алгазея, Неран — в Тугуро-Чумиканском районе, Маймакан, Няча, Алдома, Тотта, Кавалькан, Джигда, Цыпанда, Аим — в Аяно-Майском районе.

Современные колхозные поселки — это весьма значительные по масштабам населенные пункты: помимо сельсовета и правления артели, в них сосредоточены хозяйственные и культурные учреждения — отделение связи (часто вместе со сберегательной кассой), отделение рыбкоопы (магазин), хлебопекарня, фельдшерско-акушерский пункт, школа (иногда с интернатом), клуб или изба-читальня с библиотекой, баня; почти во всех селениях имеются радиоузы¹⁹.

Уже одно только перечисление появившихся в таежных поселках учреждений дает представление о том, какие огромные культурно-бы-

¹⁷ «Советский Север», 1933, № 3, стр. 109.

¹⁸ ГАНАО, ф. 134, оп. 1, д. 60, лл. 1—36.

¹⁹ Следует, однако, заметить, что ввиду преобладания промыслово-олeneводческого направления в хозяйстве эвенкийских колхозов, большинство эвенков продолжает вести полукочевой или кочевой образ жизни: по 6—7 месяцев проводят в тайге охотники, круглый год кочуют, окарауливая оленьи стада, пастухи. Зимним и летним жилищем пастухам и охотникам служит палатка. Дети, а также нетрудоспособная часть населения и колхозники, занятые в других отраслях хозяйства, находятся в поселках и живут в срубных домах.

товые преобразования произошли среди охотских эвенков за последние 20—25 лет.

До революции, как уже говорилось, охотские эвенки совершенно не получали квалифицированной медицинской помощи. Населению не было даже известно, от каких болезней умирали в тайге охотники и оленеводы.

Одним из первых и неотложных мероприятий Советской власти явилась организация медицинского обслуживания коренного населения Севера. Уже в 1924 г. в Чумикане, а затем и в Аяне были открыты фельдшерские пункты. В 1926 г. был создан специальный врачебный отряд для работы на Охотском побережье. Врачебный отряд работал также в Нельканском улусе²⁰. Коренное население с доверием приняло медицинскую помощь. В 1928 г. в больнице и фельдшерском пункте Тугуро-Чумиканского района было зарегистрировано более 2700 посещений²¹.

Открывшиеся повсеместно в 1930-е годы врачебные и фельдшерско-акушерские пункты сыграли большую роль не только в улучшении здравоохранения, но и в привитии населению культуры быта. Одним из достижений в этой области было приучение эвенков к мытью в бане, а также к правильной стирке и кипячению белья.

Много труда вложено в дело ликвидации неграмотности среди охотских эвенков.

Первые советские школы появились на Охотском побережье в 1926 г., когда были созданы интернаты в Аяне и Чумикане. Годом раньше семь эвенков Николаевского уезда, в том числе две женщины, были откомандированы в Ленинград на учебу в северной группе при рабфаке ЛГУ (впоследствии Институт народов Севера) и в Хабаровск — на туземное отделение педагогического техникума (преобразованного затем в педтехникум народов Севера).

Большую тягу к учебе проявляло взрослое эвенкийское население. Этнограф В. Н. Васильев в 1927 г. встретил в Нелькане несколько молодых эвенков, по собственной инициативе обучавшихся грамоте у местного учителя. На р. Челасин в одном из чумов Васильев видел пожилого эвенка, который самостоятельно одолевал якутскую азбуку²². В связи с массовым стремлением эвенков к знаниям при многих школах были открыты пункты по ликвидации неграмотности (ликпункты).

Но настоящая культурная революция среди охотских эвенков произошла в годы колхозного строительства. Именно в этот период вместе с ростом колхозных поселков в тайге повсеместно появились школы, ликпункты, школы грамоты. В устье р. Тугур в 1932—1934 гг. была выстроена культбаза Комитета Севера, включавшая целый комплекс производственных и культурно-бытовых учреждений — школу с интернатом, больницу, баню-прачечную, различные мастерские, пекарню, краеведческий пункт. Культбаза, обслуживавшая несколько сельсоветов Тугуро-Чумиканского района, проделала значительную работу по вовлечению эвенков в перестройку их культуры и быта.

Немалую роль в культурном и политическом просвещении населения сыграла местная печать. В 1933 г. на Охотском побережье стали выходить окружная (ныне охотская районная) газета «Охотско-Эвенская правда» и тугуро-чумиканская районная газета «Советский Север». С 1935 г. издается аяно-майская районная газета «Звезда Севера». Некоторые эвенки-активисты стали корреспондентами районной и областной печати.

Во второй половине 1930-х годов на Охотском побережье все больше стало встречаться работников просвещения из среды коренного населения. Стала появляться национальная интеллигенция. В 1937—1938 гг. учите-

²⁰ «Северная Азия», 1926, № 3, стр. 82.

²¹ Тугуро-Чумиканский архив, фонд райисполкома, 1928.

²² В. Н. Васильев, Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов, Л., 1930, стр. 75.

лями начальных школ работали эвенки М. С. Охлопкова, П. С. Савин — в Тугуро-Чумиканском районе, Е. Л. Соловьев, Н. П. Дьячковский, В. С. Савин — в Аяно-Майском районе. О своей жизни и о том, как он учил детей, Петр Семенович Савин рассказал в своей повести «Второе рождение»²³.

Обучение детей в школах с самого начала велось на русском языке. Дело в том, что эвенкийская письменность, созданная в 1931 г., оказалась неприменимой у эвенков Охотского побережья, так как в основу литературного (письменного) языка положен диалект одной из западных групп эвенкийского народа (эвенков Байкитского района Эвенкийского национального округа), непонятный для большинства других групп эвенков. Это позволяет думать, что и в дальнейшем развитие культуры охотских эвенков будет продолжаться на русской основе.

В настоящее время среди охотских эвенков немало лиц, имеющих среднее и высшее образование. Оканчивая семилетнюю или среднюю школу, эвенки едут учиться в педучилище народов Севера в Николаевске-на-Амуре, в педагогический и медицинский институты в Хабаровске. Многие учатся на курсах и в школах по подготовке кадров колхозных и культурно-просветительных работников. Получив специальность, эвенки возвращаются в родные колхозы, некоторые остаются на работе в советском и партийном аппаратах районов. Однако неграмотность на Охотском побережье еще полностью не ликвидирована. Много среди эвенков малограмотных. Местная школа плохо учитывает специфические особенности коренного населения. Она не прививает детям хозяйственных навыков, не удовлетворяет их стремления к овладению техникой оленеводства, рыболовства, охоты и кустарных ремесел. Это, с одной стороны, приводит к тому, что многие молодые люди, окончив школу, оказываются непригодными к труду в указанных отраслях хозяйства колхозов, а с другой, — к тому, что многие дети, особенно мальчики, достигнув 12—15 лет, бросают учебу, начинают охотиться, рыбачить, жить при оленьем стаде.

На недостаточную подготовку учащихся к практической деятельности было обращено внимание на состоявшемся летом 1956 г. совещании учителей Аяно-Майского района. К сожалению, местные работники народного просвещения шаблонно понимают задачу политехнизации школ, сводя ее к обучению школьников основам электротехники, радиотехники, управлению автомобилем и т. п. Управление автомобилем — дело, конечно, полезное, но может ли оно пригодиться эвенкам в условиях горной тайги Охотского побережья? Главное в политехнизации национальных школ Севера — это, по нашему мнению, максимальное приближение местной школы к запросам и нуждам национальных колхозов, подготовка искусных охотников, оленеводов и других специалистов, в которых колхозы ощущают нужду.

За годы Советской власти огромные сдвиги произошли у охотских эвенков в области социальных отношений. Экономические и культурные мероприятия оказали заметное влияние на изживание ряда вредных пережитков старого родового уклада, мешавших строительству новой жизни.

Уже в 1925 г., после установления на Охотском побережье Советской власти, состоялось собрание эвенков и негидальцев рек Тугура и Амгуни, на котором было принято решение: «1) совершенно уничтожить калым, подвергнув наказанию за проступки в этой области как берущего, так и выплачивающего калым; 2) строго запретить выдачу замуж девушек и вдов без их согласия; 3) выдачу замуж девушек считать законной не ранее года после появления менструаций»²⁴. Эти меры встретили всеобщее

²³ «Творчество народов Севера», Л., 1955.

²⁴ ГАНАО, ф. 397, д. 2, лл. 122—123.

одобрение среди охотских эвенков. Благодаря растущей сознательности коренного населения такие обычаи, как калым, многоженство, выдача замуж против желания, брак с малолетними, быстро отошли в область прошлого.

Большая работа была проведена по освобождению эвенкийского населения из-под влияния «родовых авторитетов» — бывших старост, кулаков и шаманов, которые, несмотря на их немногочисленность, заметно тормозили осуществление мероприятий Советской власти. Известно, например, что в бане, построенной в селении Удском еще в 1927 г., местные эвенки не мылись вплоть до 1935 г. только потому, что верили предсказанию шамана, будто «в чистое тело злой дух скорее залезет, и человек заболит». Картофель удские эвенки отказывались сажать потому, что «он в навозе растет, от него сила пропадает»²⁵. Шаманы тянули эвенков в тайгу — подальше от советской администрации, препятствовали обобществлению средств производства в колхозах, побуждали колхозников резать оленей и т. д.

Сейчас к руководству общественной жизнью охотских эвенков пришли новые люди — коммунисты, комсомольцы, хорошие производственники. Такие люди есть в каждом колхозе. В удской сельхозартели имени III Интернационала, например, эвенков — членов партии было в 1955 г. 6, членов ВЛКСМ — 18 чел. В тоттенской сельскохозяйственной артели «Рассвет» из 11 членов партийной организации было 10 эвенков, из 15 комсомольцев — 14 эвенков. Протоколы общих собраний колхозов и заседаний сельсоветов показывают, что эвенки активно участвуют в обсуждении важных вопросов, смело критикуют друг друга, не считаясь с авторитетами и родством, вносят конкретные предложения по улучшению своего хозяйства и быта.

Многое было сделано для социального освобождения женщины и привлечения ее к активному участию в общественной жизни. Сами женщины охотно шли навстречу соответствующим мероприятиям местных советов. Выступая на перевыборном собрании женщин Тоттенского «тузсовета», состоявшемся в конце 1931 г., Акси́нья Марковна Олесова говорила: «Раньше мы не знали, что это за собрания бывали. Женщин туда не звали. Теперь нас отдельно собирают, беседуют с нами. Хорошо, если бы всегда нас собирали». «Мы тоже теперь будем работать», — сказала Евдокия Ивановна Кошелева²⁶.

Стремление женщин активно участвовать в общественной жизни не всегда находило поддержку среди их мужей и братьев. «Некоторые мужчины сами не хотят, чтобы женщины работали в артелях», — говорила на первом съезде Советов Аяно-Майского района (1932) нельканская эвенка Дарья Бубякина. Были случаи, когда женщины подавали заявления о приеме их в члены артели, но получали отказ²⁷.

Но новое побеждало. Уже в первые годы коллективизации женщины-эвенки стали серьезной общественной силой на стойбищах и в поселках. Многие из них показали себя способными работать не хуже мужчин и заменить их на промыслах. С особенной силой сказалось это во время Великой Отечественной войны, когда в связи с уходом в армию части мужчин значение труда женщин очень возросло. В Аяно-Майском районе зимой 1941/42 г. на пушной промысел вышли женщины Маланья Титова, Пелагея Софронова, Татьяна Колесова и другие. Колесова, будучи матерью малолетнего ребенка, охотилась наравне с мужчинами и выполнила задание на 142%. Успешно занималась промыслом белки алгазеинская эвенка Елена Иванова (Тугуро-Чумиканский район). В 1944 г., несмотря на «неурожай» белки, она сдала на заготовительный пункт 200 шкурок этого

²⁵ Газета «Красный маяк» от 10 марта 1946 г.

²⁶ ГАНАО, ф. 272, д. 53, лл. 1—3.

²⁷ ГАНАО, ф. 272, д. 56, лл. 30—32 об.

зверька. Весной 1945 г., хотя ей исполнилось 73 года, Иванова била с берега моря нерпу, охотилась в оморочке на гусей, ловила кету, сушила юколу. Все это она делала для колхоза²⁸.

Не отстают женщины от мужчин и теперь. В сезон 1954/55 г. в тоттенском колхозе «Рассвет» на пушной промысел вышли женщины — Анна Карамзина, Мария Савинова и Мария Белолобская. Каждая из них выполнила мужскую норму отстрела белки. Многие женщины сейчас работают в сельсоветах, школах, медпунктах и других учреждениях.

* * *

Эвенки Охотского побережья, как и другие группы коренного населения Севера, прошли большой и сложный путь исторического развития от патриархально-родового строя к социализму. Они с уверенностью и надеждой глядят в будущее, которое должно ознаменоваться еще большими успехами в экономическом и культурном строительстве у народов Советского Севера.

²⁸ См. газету «Красный маяк» от 8 марта 1945 г.